

Появление и эволюция криминальных татуировок в России

М.А. Грачев

*Нижегородский государственный лингвистический университет имени Н.А. Добролюбова
ул. Минина, 31а, 303155, Нижний Новгород, Россия. E-mail: ma-grachev@mail.ru*

Предлагаемый научный материал является продолжением двух предыдущих статей автора о криминальном пиктографическом письме, опубликованных в журнале «Юрислингвистика». В статье анализируются версии появления криминальной татуировки в России, прослеживаются этапы ее эволюции. Особо отмечается ее системность. Автором выделяются пять устойчивых современных групп татуировок и пять этапов существования пиктографического нательного письма. В статье акцентировано внимание на практическом использовании научного материала. Исследователю (прокурору, суду, адвокату и особенно лингвисту-эксперту) необходимы теоретические знания об истории появления татуировки в России. В статье характеризуется современное состояние данной семиотической системы, указывается, что значительная часть уголовных тату уже теряет свое первоначальное значение ввиду того, что происходит смешение криминальных татуировок с гражданскими.

Ключевые слова: криминальная татуировка, пиктографическое письмо, нательное письмо, лингвистическая экспертиза.

The Emergence and Evolution of Criminal Tattoos in Russia

M.A. Grachev

*Nizhny Novgorod State Linguistic University named after N.A. Dobrolyubov
31a Minina str., 31a, 303155, Nizhny Novgorod, Russia. E-mail: ma-grachev@mail.ru*

The article analyzes various points of view on the emerging of criminal tattoos in Russia, follows the stages of their evolution. Tattoo systematic character is particularly noted, as well as the beginning of its study in the 20-30s of the twentieth century. The author gives five stable modern groups of tattoos. The proposed scientific material is a continuation of the author's two previous articles on criminal pictographic bodyart published in the journal "Jurislinguistics". The periodization of the emerging of pictographic criminal bodyart deserves special attention in the article: the author identifies five stages of its existence.

It is important to note that tattoo looks remained stable from the 30s to the 70s of the twentieth century. This was due to the strong positions of the elite of the criminal world – code-bound thieves. In the 70s, when the erosion of the "thieves' idea" begins, a number of tattoos lose their original meaning, especially tattoo drawings. The article focuses on the practical use of scientific material, namely: a researcher (prosecutor, court, lawyer, etc.) needs theoretical knowledge about the emerging of tattoos in Russia. These data will be in special demand by linguist-experts. The author of the article emphasizes that a significant part of criminal tattoos is already losing its original meaning, and there is also a mixture of criminal tattoos with civil ones.

Key words: criminal tattoo, pictographic writing, bodyart, linguistic expertise.

Время появления татуировок как части криминальной субкультуры не установлено, однако есть основания полагать, что это современное явление. В русском фольклоре, отражающем древнейшие бытовые традиции, мы не найдем упоминаний о татуировках. Это может быть показателем того, что на Руси понятие о татуировке в древние времена отсутствовало (см. наши ранние статьи [Грачев 1995: 285; Грачев 2009 : 287-309].

Ряд исследователей татуировок русских деклассированных элементов относит их появление к рубежу XVII–XVIII вв., хотя конкретных доказательств данной точки зрения не представляет. Заслуживает внимания лишь одна ссылка на отрывок из повести А.С. Пушкина «Капитанская дочка»: «А в бане показывал (Пугачев – М.Г.) царские свои **знаки** на грудях: на одной **двуглавый орел, величиной с пятак, а на другой персона его**» [Пушкин 1988: 78]. Возможно, это свидетельствует о том, что россияне уже в XVIII в. имели понятие о татуировках, хотя сотрудниками правоохранительных органов того времени они не фиксировались и не исследовались. Однако, скорее всего, «царские знаки» Емельяна Пугачева были не чем иным, как дефектами кожного покрова. Доказательством этого является утверждение самого А.С. Пушкина, описывающего внешность крестьянского вождя в историческом исследовании «История Пугачева»: «... на обеих грудях, назад тому третий год, были **провалы...**» [Пушкин 1988: 44], –т.е., вероятно, шрамы, а не пиктограммы.

Ничего не говорится о татуировках деклассированных элементов и в более поздних источниках, посвященных описанию криминального уклада в России. Ни в жизнеописании знаменитого преступника Ваньки Каина (Ивана Осипова), ни в художественных произведениях, например, Ф.М. Достоевского «Записки из Мертвого Дома» (1862), научно-публицистическом исследовании С.В. Максимова «Несчастные» (1872), сведений о нанесении нательных изображений нет.

В русской справочной литературе начала XX в. указывается, что татуировки характерны для негров, японцев, представителей некоторых религиозных сект, и ничего не говорится о татуировках русских преступников [Малый энциклопедический словарь 1994: 168]. По свидетельствам криминалистов, профессиональные уголовники конца XIX – начала XX вв. в большинстве своем избегали татуироваться, чтобы не создать лишнюю улику [Милютенков 1992: 7].

Казалось, должно быть хотя бы упоминание о татуировках в рукописи П.П. Ильина «Исследование жаргона преступников» (1908 г.). Однако блестящее описание преступного мира под руководством знаменитого И.А. Бодуэна де Куртенэ не содержало даже упоминаний о татуировках, тогда как многие элементы субкультуры криминального мира в его

исследовании тщательно изучены: арго, пословицы и поговорки, этикетные правила профессиональных преступников, уголовные песни и проч. Исследователь П.П. Ильин, отбывавший наказание в Иркутской Александровской каторжной тюрьме и хорошо знавший быт уголовного мира Сибири, не мог бы пройти мимо такого важного атрибута тюремной субкультуры, как татуировка. Одним из первых, кто указал на появление татуировок у преступников в России, был киевский криминальный журналист Г.Н. Брейтман. «Человеческие силы, к которым теряется уважение, – писал он в 1901 г., – тратятся на пустяки, не стоящие стольких трудов, стараний и времени. Люди растрачивают свою энергию без нужды, лишь вследствие потребности утилизировать ее на что-нибудь без всякого определенного и серьезного результата, как белка в клетке. И вот арестанты, например, татуируют себя; в тюрьме можно увидеть людей с такой татуировкой на всем теле, что хоть сейчас его в любой музей – показывать за деньги. На татуировки тратится масса времени и стараний, и производится она в тюрьме положительно всеми цветами. Целые картины можно увидеть на груди и спине арестанта: корабли, флаги, огромные якоря, гербы, имена, фамилии, пословицы молитвы и т. д.» [Брейтман 1901: 62]. К сожалению, журналист не приводит подробную характеристику татуировок. Но из его описания все же напрашиваются некоторые выводы: уже на рубеже XIX и XX вв. для нанесения тату использовались разноцветные краски, причем сами тату включали как вербальные компоненты, так и изобразительные (см. также об этом [Грачев 1995, 2009, 2020, 2021]).

Известно, что в начале XX века татуировки получили распространение на острове Сахалин – месте ссылки различных уголовников-рецидивистов. Вероятно, под сильным воздействием местных народов: японцев, алеутов, коряков и проч., они начали наносить на тело свои специфические изображения, связанные с уголовными законами и укладом исправительных учреждений.

Изначально татуировки в России были присущи в основном только деклассированным элементам и морякам [Кучинский 1998: 4]. Хотя здесь требуется уточнение: именно моряки принесли моду на татуировки. Излюбленной татуировкой у матросов являлся *якорь* как своеобразная примета принадлежности к морскому братству. Заметим, что данный рисунок распространен и у моряков других стран, например, у англичан, голландцев, испанцев и проч. У русских уголовников он также встречается, но с характерным значением – прекращение криминальной деятельности («*завязать воровать*»).

У бойцов Красной Армии татуировки отсутствовали. Любопытно, что среди солдат итальянской армии в XIX в. было 45 % татуированных, тогда как среди преступников – всего лишь 7 % [Ломброзо 1892: 34]. Следует отметить, что современные российские солдаты, воспринимая романтику профессиональных преступников, нередко наносят воровские татуировки, особенно это характерно для строительных войск (стройбата), где имеется много армейцев с уголовным прошлым. Из специфических солдатских татуировок можно отметить рисунки, изображающие парашют (знак принадлежности к воздушно-десантным войскам – ВДВ), группу крови, резус-фактор, из аббревиатур – ЗГВ («Западная группа войск», до 1991 г.) и др.

Таким образом, время появления русских криминальных татуировок следует разделить на пять этапов. Первым этапом следует, пожалуй, считать длительный период в российской истории, когда в качестве наказания за преступление использовалось клеймение. Данный этап завершился в 1863 г. с отменой Александром III данного вида наказания. С этого времени у русских преступников стали появляться татуировки, нанесенные добровольно.

В двадцатом веке культура нателных изображений пережила несколько отчетливо определяемых периодов:

– появление примитивных татуировок (с начала XX в. до 20-х гг. XX в.),

– формирование жесткой татуировочной иерархии (конец 20-х гг. XX в. – 70-е гг. XX в.),

– распад криминальной системы татуировок в связи с постепенным исчезновением *воровской идеи* (конец 70-х – 2000 г.) [Грачев 2009],

– смешение криминальных тату с гражданскими (с 70-х гг. XX в. по настоящее время).

Отсутствует упоминание о татуировках и в знаменитой работе Д.С. Лихачева «Черты первобытного примитивизма воровской речи» (1935 г.). Несмотря на то что в работе перечислены (точно так же, как и его предшественниками Г. Брейтманом и П. Ильиным) многие элементы уголовной субкультуры (арго, тайные языки, песни, клички), о татуировках им сказано очень мало. Можно лишь предположить, что в то время воровские тату еще не сложились как символическая система. В виде татуировок на тело преступника в обязательном порядке наносилось его прозвище. «Каждый вор, – писал Д.С. Лихачев, – имеет свою кличку. Он татуирует ее или символ у себя на теле и не меняет ее даже тогда, когда она становится известной уголовному розыску» [Лихачев 1995: 72].

Криминалисты вначале изучали татуировки в целях идентификации и опознания. В первые же годы Советской власти была даже введена обязательная регистрация татуировок криминогенного контингента [Миляненок 1992: 14]. По ряду причин русское языкознание до сих пор не обращало внимание на татуировки. Почти ничего не сказано о криминальных татуировках в трудах 20-30 гг. XX в. исследователей аргю Б.А. Ларина, В.М. Жирмунского и др. Вероятно, причиной этому послужили трудность в сборе материала, труднодоступность данной темы для исследования и, наконец, отношение к пиктограммам как к недостойному предмету изучения.

В чем заключается интерес изучения татуировки для лингвиста? Некоторые языковеды считают, что «воровские татуировки представляют собой своеобразную графическую систему», которая называется «пиктографическо-идеографической» [Шарандина 2000: 74].

Расцвет русской криминальной татуировки пришелся на 30-е годы XX в., когда возникла элита уголовного мира – *воры в законе*. Изначально признаком *вора в законе* была нагрудная татуировка креста с распятым Иисусом Христом и с ангелом (ами). Другая распространенная религиозная татуировка – купола на храме, количество которых обозначало число заключений в исправительные учреждения. Вероятно, это связано с тем, что НКВД в 20-х – 30-х гг. XX в. нередко приспособливал церкви под пересыльные тюрьмы. Нередко осужденные наносят на тело татуировки в виде Богородицы с младенцем и Святого Семейства; изображение Бога на небе с крестом в руках, что является воровским оберегом. Религиозный символ креста используется и в татуировке «*Спаси от леваых и суда*». Данная группа татуировок является еще и символом «святости воровского дела». Пожалуй, распространение татуировок в криминальном мире в полной мере объясняют слова Д.С. Лихачева о том, что чувства бравады и хвастовства, которые присущи всем профессиональным преступникам, перевешивают стремление к конспирации.

Изучение криминальных татуировок в России началось в середине 20-х годов XX в. Исследование обычаев русской преступности показало, что преодоление стихийного использования татуировок и преобразование их в особую семиотическую систему произошло в 30-х гг. XX века.

Тюремный рисунок содержал скрытый смысл и указывал на конкретную преступную «специализацию» его хозяина. Это помогало ему быстрее устанавливать контакты с уголовником своей «масти». Формирование нателной символики в криминальной России длилось почти полвека, и к 50-м годам XX века преступный мир уже имел свою систему татуажа. Тогда же «узаконилось» право на ношение конкретной татуировки согласно неофициальному статусу в пенитенциарной системе. Татуировки могли расшифровывать так называемые *блатари*, жившие по *воровским законам*. Кожа тела

уголовника превратилась в его личное дело, доступное для чтения далеко не каждому. Неспособность доказать достоверность символики, ложность натальной информации могло повлечь наказание ее носителя. За «имитацию» лагерного авторитета следовала смерть. Профессиональные преступники защищали свои рисунки от подделок, придумывая новые символы, неприметные, но обязательные детали татуировок.

В 70-е годы, когда начинается размывание «воровской идеи», ряд татуировок теряет свой первоначальный смысл, особенно это касается татуировок-рисунков. По словам А.И. Гурова, в этот период «татуировки не играют той коммуникативной роли, которая отводилась им до начала 70-х годов» [Гуров 1990: 114].

В современных криминальных татуировках можно выделить ряд устойчивых семиотических групп:

1. Татуировки, свидетельствующие об отбывании наказания в ИУ: четыре точки, напоминающие квадрат, внутри них еще одна точка; колючая проволока.

2. Татуировки наркоманов: *паук в паутине* – «наркоман», изображение *джина, курящего гальян* – «курильщик гашиша».

3. Татуировки, которые наносятся насильно: *синяк под глазом, точки около губ, корона вора в законе, выколота на спине*, – все они обозначают *опущенных* (низшую касту криминального мира).

4. Татуировки-аббревиатуры: ТОН – «тайное общество наркоманов», ТОНЯ – «тайное общество наркоманов; я – его член».

5. Татуировки-высказывания, см. примеры: «*Уйду бродягую и воров*», «*Сила выше права*».

Как утверждал криминалист Л. Мильяненко, в 90-е годы XX в. особое внимание правоохранители обращали на лиц, имеющих следующие татуированные изображения: *череп, корона* – символы лиц, стремящихся к власти в криминальном мире; *тигр* или *другой хищник* – ярость, непримиримость; *кинжал, нож, меч, топор* – месть, угроза, твердость, жестокость; *ключ* – сохранение тайны; *палач* – чти закон воров. Именно носители этих рисунков были наиболее агрессивны и способны на самые жестокие преступления [Мильяненко 1992: 28].

В ранних татуировках отсутствуют политические мотивы (*воры в законе* не должны были иметь никаких контактов с официальной властью: не выступать свидетелем на суде, не выполнять общественной работы, служить в армии и проч.). При размывании же «воровской идеи» в 70-х годах XX в. в криминальных татуировках появляются семантика «взаимоотношение вс властью». Особенно много политических татуировок возникло в конце 80-х – начале 90-х гг. XX в. См., например, татуировку, изображающую географическую карту СССР, опоясанную по границе колючей проволокой, или черепами на ней. Примеры из политических высказываний-татуировок (чаще всего наносятся на ногах): *КПСС приведет всех в могилу; они тащат меня под конвоем в рабство – ГУЛАГ МВД СССР; они устали от долгого пути в светлое будущее – коммунизм; ВКП(б) – всероссийское крепостное право большевиков*.

В настоящее время криминальные тату не исчезли бесследно: они трансформировались, приспособились к новым условиям, часть из них активно используется законопослушной молодежью.

Литература

Брейтман Г.Н. Преступный мир: Очерки из быта профессиональных преступников. Киев, 1901.

Грачев М.А. К вопросу о функциях арго / Wiener slawistischer Almanach. Wien, 1995. S. 287-309.

Грачев М.А. Табуизированные слова в русской воровской речи / Субстандартные варианты славянских языков: Избранные статьи. Франкфурт–на–Майне, 2009. С. 87-97.

Грачев М.А. Интервенция криминального языка / Наука и жизнь. - 2009. - № 4. - С.128-132.

Грачев М.А. Лингвокриминалистика. Нижний Новгород, 2009.

Грачев М.А. Тайны забытой рукописи П.П. Ильина «Исследование жаргона преступников». М., 2020.

Грачев М.А. Проблемы изучения пиктографического письма экспертами-лингвистами / Юрислингвистика. - 2021. - №20(31). - С. 9-13.

Грачев М.А. К вопросу о построении методики установления принадлежности лица к высшей уголовной иерархии по пиктографическому криминальному письму / Юрислингвистика. - 2021. - №21(32). - С. 26-30.

Гуров А.И. Профессиональная преступность: прошлое и настоящее. М., 1990.

Ильин П.П. Исследование жаргона преступников. Рукопись 1912 г. СПб., 1912. Рукописн. отдел; шифр 25.4.7.

Кучинский А.В. Преступники и преступления. Законы преступного мира. Паханы, авторитеты, воры в законе: Энциклопедия. Донецк, 1997.

Ларин Б.А. Западноевропейские элементы русского воровского арго / Язык и литература. Л., 1931. Т. 7. С. 113—130.

Лихачев Д.С. Черты первобытного примитивизма воровской речи: Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона (речевой и графический портрет советской тюрьмы) / Авторы-составители Д.С. Балдаев, В.Н. Белко, И.М. Юсупов. М., 1992.

Ломброзо Ч. Новейшие успехи науки о преступлениях. СПб., 1892.

Мильяненко Л.А. По ту сторону закона. СПб., 1992.

Пушкин А.С. История Пугачева. Горький, 1988.

Шарандина Н.Н. Арготическая лексика в функциональном аспекте. Дисс. канд.наук. Тамбов, 2000.

References

Breitman G.N. Underworld: Essays from the life of professional criminals. Kyiv, 1901. (in Russian).

Grachev M.A. On the question of the functions of slang / Wiener slawistischer Almanach. Vienna, 1995. S. 287-309. (in Russian).

Grachev M.A. Taboo words in Russian thieves' speech / Substandard variants of Slavic languages: Selected articles. Frankfurt am Main, 2009, pp. 87-97. (in Russian).

Grachev M.A. Criminal Language Intervention / Science and Life. - 2009. - No. 4. - P.128-132. (in Russian).

Grachev M.A. Linguistic criminalistics. Nizhny Novgorod, 2009. (in Russian).

Grachev M.A. Secrets of the forgotten manuscript of P.P. Ilyin "Study of the jargon of criminals". M., 2020. (in Russian).

Grachev M.A. Problems of studying pictographic writing by expert linguists / Jurislinguistics. - 2021. - No. 20 (31). - S. 9-13. (in Russian).

Grachev M.A. On the question of constructing a methodology for establishing a person's belonging to the highest criminal hierarchy based on pictographic criminal writing / Jurislinguistics. - 2021. - No. 21(32). - S. 26-30. (in Russian).

Gurov A.I. Professional crime: past and present. M., 1990. (in Russian).

Ilyin P.P. Exploring the jargon of criminals. Manuscript 1912 St. Petersburg, 1912. Manuscript. the Department; code 25.4.7. (in Russian).

-
- Kuchinsky A.V. Criminals and crimes. Laws of the underworld. Godfathers, authorities, thieves in law: Encyclopedia. Donetsk, 1997. (in Russian).
- Larin B.A. Western European elements of Russian thieves' slang / Language and Literature. L., 1931. T. 7. S. 113-130. (in Russian).
- Likhachev D.S. Features of the primitive primitivism of thieves' speech: Dictionary of prison-camp-thieves jargon (speech and graphic portrait of a Soviet prison) / Authors-compilers D.S. Baldaev, V.N. Belko, I.M. Yusupov. M., 1992. (in Russian).
- Lombroso Ch. Recent advances in the science of crimes. SPb., 1892. (in Russian).
- Milyanenko L.A. On the other side of the law. SPb., 1992. (in Russian).
- Pushkin A.S. History of Pugachev. Gorky, 1988. (in Russian).
- Sharandina N.N. Argotic vocabulary in a functional aspect. Diss. Candidate of Sciences Tambov, 2000. (in Russian).
-

Citation:

Грачев М.А. Появление и эволюция криминальных татуировок в России // Юрислингвистика. – 2022. – 23. – С. 27-30.

Grachev M.A. (2022). The Emergence and Evolution of Criminal Tattoos in Russia. Legal Linguistics, 23, 27–30.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

---